

К вопросу о древнерусских антропоморфных забралах и возможных видах подходящих к ним боевых наголовий

В последнее время вырос интерес к антропоморфным маскам или так называемым восточноевропейским боевым забралам, что вызвано с одной стороны их малым количеством и спорными датировками, с другой – новыми находками, которые часто заставляют пересмотреть бытовавшие ранее мнения. Изучением, датировкой и этноинтерпретацией масок-забрал в разное время занимались или касались А.А. Бобринский, А.А. Бранденбург, М.В. Горелик, К.А. Жуков, И.Л. Измаилов, А.Н. Кирпичников, Э.Е. Кравченко, Ю.А. Кулешов, Э. фон Ленц, В.Н. Марков, М.А. Миролубов, Т.Н. Никольская, С.А. Плетнева, Н.В. Пятышева, П.П. Толочко, Г.А. Федоров-Давыдов, Е.В. Черненко¹. Несмотря на это,

¹ Бобринский А.А. Курганы и случайные археологические находки близ местечка Смелы. Т. I. СПб. 1887; его же. Курганы и случайные находки близ местечка Смелы. Т. III. СПб. 1901.; Brandenburg N.E. Eine alte Rustung gefunden in einem Hugelgraber Sudrussland // ZHWK. T. I. Ч 11. Berlin, 1897.; Горелик М.В. О средневековых восточных шлемах с масками и одной центрально-азиатской изобразительной традиции. Международная ассоциация по изучению культур Центральной Азии: Информационный бюллетень. Вып. 7. М. 1984; его же. Ранний монгольский доспех (II – первая половина 14 в.) // Археология, этнография и антропология Монголии, Новосибирск, 1987; его же. Монголо-татарское оборонительное вооружение второй половины XIV-начала XV вв. // Куликовская битва в истории и культуре нашей Родины. М. 1983; его же. Шлемы золотоордынских воинов Северного Кавказа из частных собраний // Степи Европы в эпоху средневековья. Т. 8.; Жуков К. А., К истории шатровидных шлемов на Руси XIII-XV вв. // Куликово поле и Юго-Восточная Русь в XII-XIV вв. Тула, 2005.; Измаилов И.Л., Марков В.Н. Железная маска-забрало с территории Волжской Булгарии (в сб. Волжская Булгария и монгольское нашествие). Казань, 1988; Измаилов И.Л. Вооружение и военное дело населения Волжской Булгарии X-начала XIII вв. Казань-Магадан, 1997; Кирпичников А.Н., Черненко Е. В. Рецензия на: Пятышева Н.В. Железная маска из Херсонеса // СА. 1966. № 4; Кирпичников А.Н., Древнерусское оружие // САИ. Вып. Е1-36. М., 1971. Т. 3; его же. Снаряжение всадника и верхового коня на Руси IX-XIII вв. // САИ. Вып. Е1-36. М., 1973; Кравченко Э.Е. Погребение знатного воина XIII в. на реке Калке // Степи Европы в эпоху средневековья. Том 3. Половецко-золотоордынское время. Донецк, 2003; Кулешов Ю.А. О позднем защитном вооружении народов Северного Кавказа // ВА. Вып. 1. М. 2008; его же. Об одном аспекте изучения восточноевропейских позднесредневековых антропоморфных забрал-масок // Верхнее Подонье: археология. История. Вып. 4. 2009; его же. Новая находка боевой маски на территории Российской Федерации

остается много неясностей и одна из них какие боевые наголовья применялись совместно с теми из них которые обнаружены отдельно без шлемов.

В данном случае интересны боевые забрала из Серенска и с. Городища (рис. 1), так как именно их древнерусское происхождение не вызывает сомнений. Вышеупомянутые личины, различной степени сохранности, найдены без боевых наголовий и датируются первой – второй четвертью XIII в., с привязкой их потери во времена монголо-татарского нашествия.

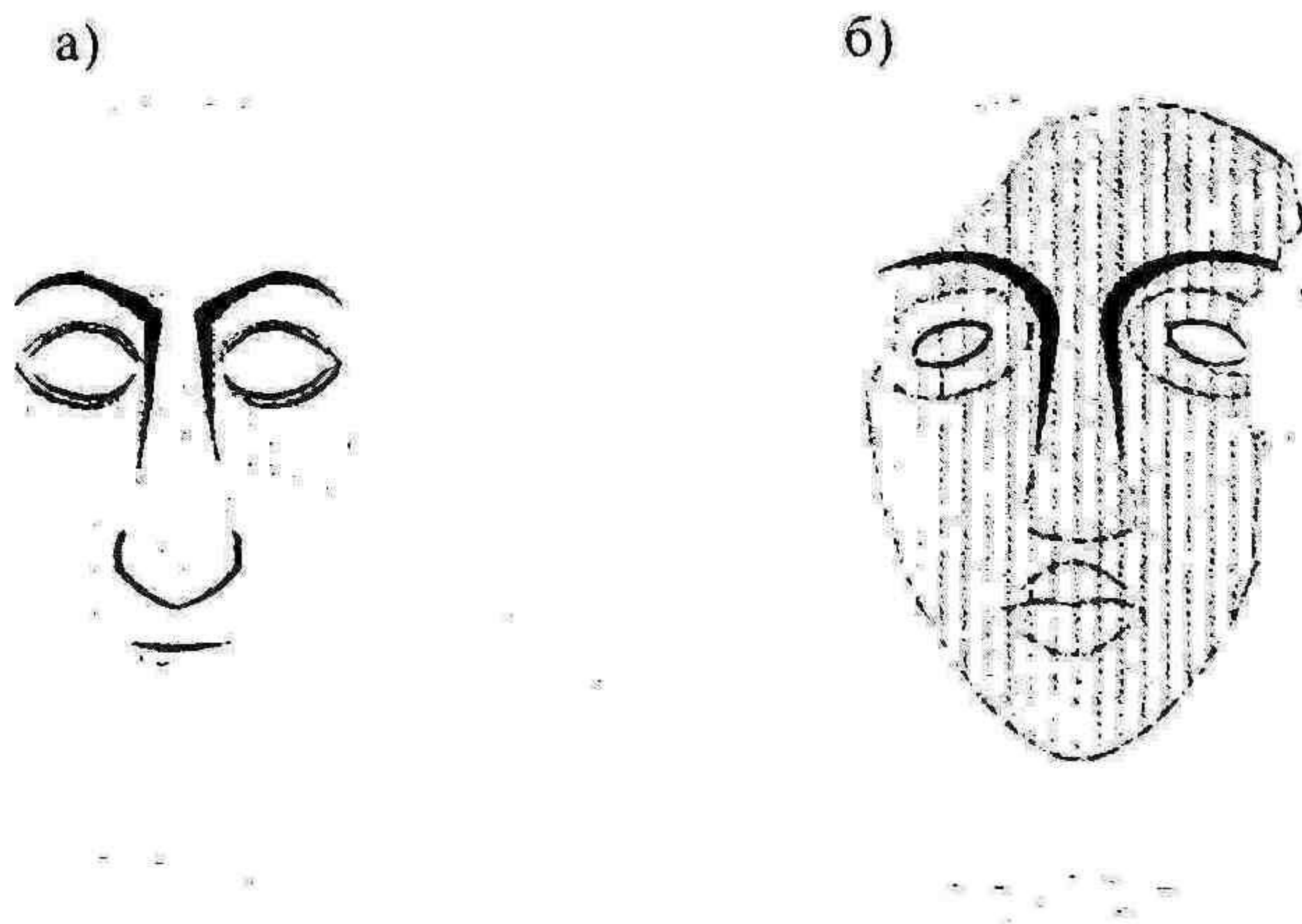

Рис. 1. Фрагменты и графическая реконструкция масок-забрал из с. Городища а) и Серенска б) (реконструкция И. Белоусовой)

Acta Militaria Mediaevalia V. Krakow – Sanok, 2009; von Lenz E. In Russland gefundene Frühmittelalterliche Helme // ZHWK. T. 1 (10). Berlin, 1924; Мирюлюбов М.А. Древний Изяславль как археологический источник // Труды Гос. Эрмитажа. Вып. 23. 1983; Никольская Т.Н. Древнерусский город Серенск – город вятических ремесленников // КСИА. Вып. 125. 1971; Плетнева С.А. Печенеги торки и половцы в южнорусских степях. [в.] Труды Волго-Донской археологической экспедиции, т. I // Материалы по истории и археологии СССР. М., 1958; ее же. Древности черных клобуков // САИ. Вып. Б1-19. 1973.; Пятышева Н.В. Железная маска из Херсонеса. М., 1968; ее же. Восточные племена с масками в Оружейной Палате Московского Кремля // СА. №3. 1968, ее же. Железная маска из Серенска в коллекции ГИМ // История и культура Евразии по археологическим данным. М. 1980; Толочко П.П., Кочевые народы степей и Киевская Русь. Киев, 1999; Федоров-Давыдов Г.А., Кочевники Восточной Европы под властью золотоордынских ханов. М., 1966 и др.

Мэтр советской военной археологии Кирпичников А.Н. высказывал предположение, что данные маски имели шлемы, идентичные найденным у с. Ковали и с. Липовец. Последние представляли из себя цилиндрикоконические наголовья с симметрично расположенными на тулье четырьмя желобчатыми углублениями с прикрепленными к ним боевыми (что не вызывает сомнения) забралами-личинами². Но данное предположение, по нашему мнению, малоубедительно. Основывается наше убеждение на неподтвержденности применения подобных типов шлемов на территории Руси помимо упомянутых выше образцов, которые, по мнению большинства исследователей, принадлежали черноклобуцкой знати Поросья, причем количественно уступая шлемам других типов, и если и были выполнены древнерусскими мастерами, то подтвержденно-го применения их именно русскими воинами не найдено. Так какие же типы наголовий могли использоваться с древнерусскими боевыми масками?

На данный вопрос может помочь ответить случайная находка у с. Куйбышево, сделанная в 1990 г. Это скрытое в балке и разрушенное эрозийными процессами захоронение воина с конем, в котором помимо снаряжения коня и оружия, был сфероконический шлем со следами серебрения (видимо, нанесенного поверх гравированного орнамента) состоящего из двух частей (сварные швы на затылочной и лобной части) и вырезом спереди под боевую маску которая, имея овальную форму, была прекрасно проработана в верхней части (рис.2) и в момент находки была прикреплена к шлему в боевом положении³. Куйбышевское боевое наголовье, несмотря на предположительную принадлежность к кочевническим древностям предмонгольского периода, может быть именно тем которое могло использоваться с древнерусскими антропоморфными забралами.⁴

² Кирпичников А.Н., 1971. Древнерусское оружие // САИ. Вып. Е1-36. Т.3. С. 28.

³ Кравченко Э.Е., 2003. Погребение знатного воина XIII в. на реке Калке // Степи Европы в эпоху средневековья. Т. 3. С. 123-125.

⁴ Погребение по своей этносоставляющей входит в состав пограничной субкультуры сформированной древнерусскими и степными элементами яркими представителями, которых являются поросские курганные комплексы (Белоусов Р.А. Проникновение элементов восточного вооружения в приграничные княжества лесостепной зоны в домонгольский период// Белгородский историко-археологический сборник. Вып. I. Белгород, 2001. С 20-21) . Несмотря на то, что исследуемое погребение на Калке полностью разрушено, нам представляется, есть все основания отнести его к той же группе памятников. На это подталкивает инвентарь а главное, личина которая по последним исследованиям входит в группу восточноевропейских боевых забрал связанную с такими древностями как маски

На чем основано данное предположение. Прежде всего оно исходит из датировки, которая исходит из анализа материалов погребения на р.Калки.⁵ Она позволяет датировать комплекс как домонгольским, так и золотоордынским временем первой – третьей четвертью XIII в., что приблизительно (маска из Изяславля имеет более широкие временные рамки) сходно с датировкой забрал из Серенска и с. Городища, а также схожестью куйбышевского шлема со сфероконическими боевыми южнорусскими наголовьями соответствующие типу ПБ (по А.Н. Кирпичникову). К таковым можно отнести находки из местечка Таганчи, с. Зеленки, с. Бурты, с. Мировки и шлем неизвестного происхождения переданный в 1894 г. в Эрмитаж Археологической комиссией.⁶ Все они схожи по форме, близки по навершиям и, за некоторыми различиями, технике изготовления. Так все, кроме наголовья Таганча – двучастные, несмотря на плохую сохранность некоторых образцов, схожи навершия, и если нет штыря под «яловец», то есть возможность предположить его съемность (например на время боя) как и органическое происхождение. Также на некоторых шлемах присутствует серебрение и орнаментация гравировкой. Все это, несмотря на присутствии на калкинском наголовье вместо наносника выреза под личину, как и общность временных рамок с регионом распространения, подтверждает их схожесть и общую типологию.

Р. Татарстан, с. Ростмировка, а. Итум-Кале (Кулешов Ю.А., 2009. Новая находка боевой маски на территории Российской Федерации// Acta Militaria Mediaevalia V. Krakow – Sapok. S. 167-175).

⁵ См. Кравченко Э.Е. Указ. соч. С. 128.

⁶ Кирпичников А.Н. Погребение воина XII-XIII вв. из южной Киевщины // ИМАИМ. Вып. IV. Л. 1959. С. 290; 1971; его же. Древнерусское оружие // САИ. Вып. Е1-36. Т.3. С. 26-27. См. также: Samowska W. Wczesnohistoryczny kurhan z Kogoleina pod Tahanicza. Swiatowit. T. 20. Warszawa, 1949. S. 240-241. См. также: Бранденбург Н.Е., Материалы к истории вооружения России в домонгольский период. 1890-1902 // Фонд Н.Е. Бранденбурга (по исследованиям А.Н. Кирпичникова). № 90. Л.63. См. также: Ленц Э.Э., 1902. Предметы вооружения и конского убора, найденные близ села Демьяновки Мелитопольского уезда. ИАК. Вып. 2. СПб., 1902. С. 89-90; In Russland gefundene Fruhmittelalterliche Helme // ZHWK. T. I (10). Berlin. 1924. S. 4-5. рис. 24.

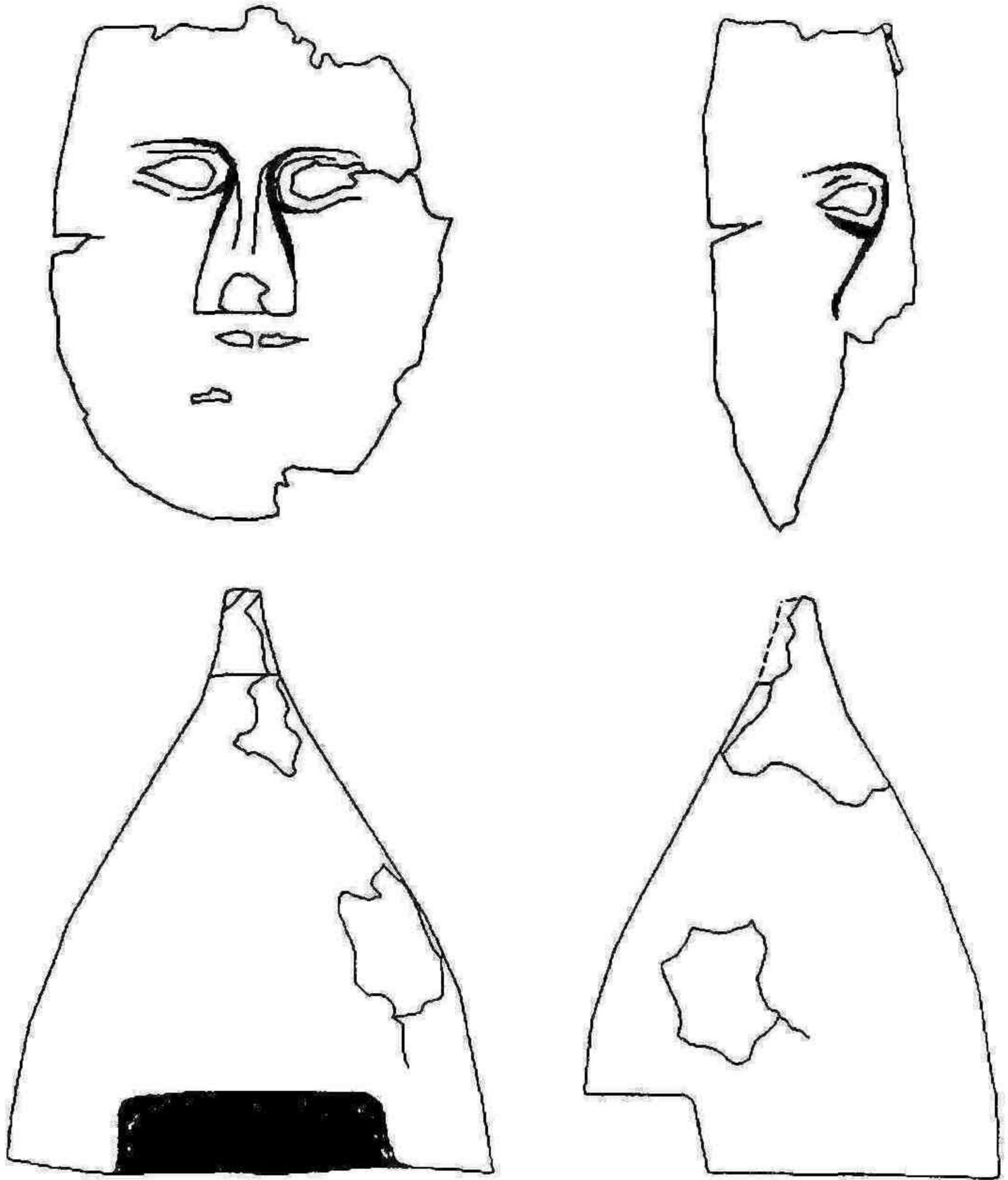
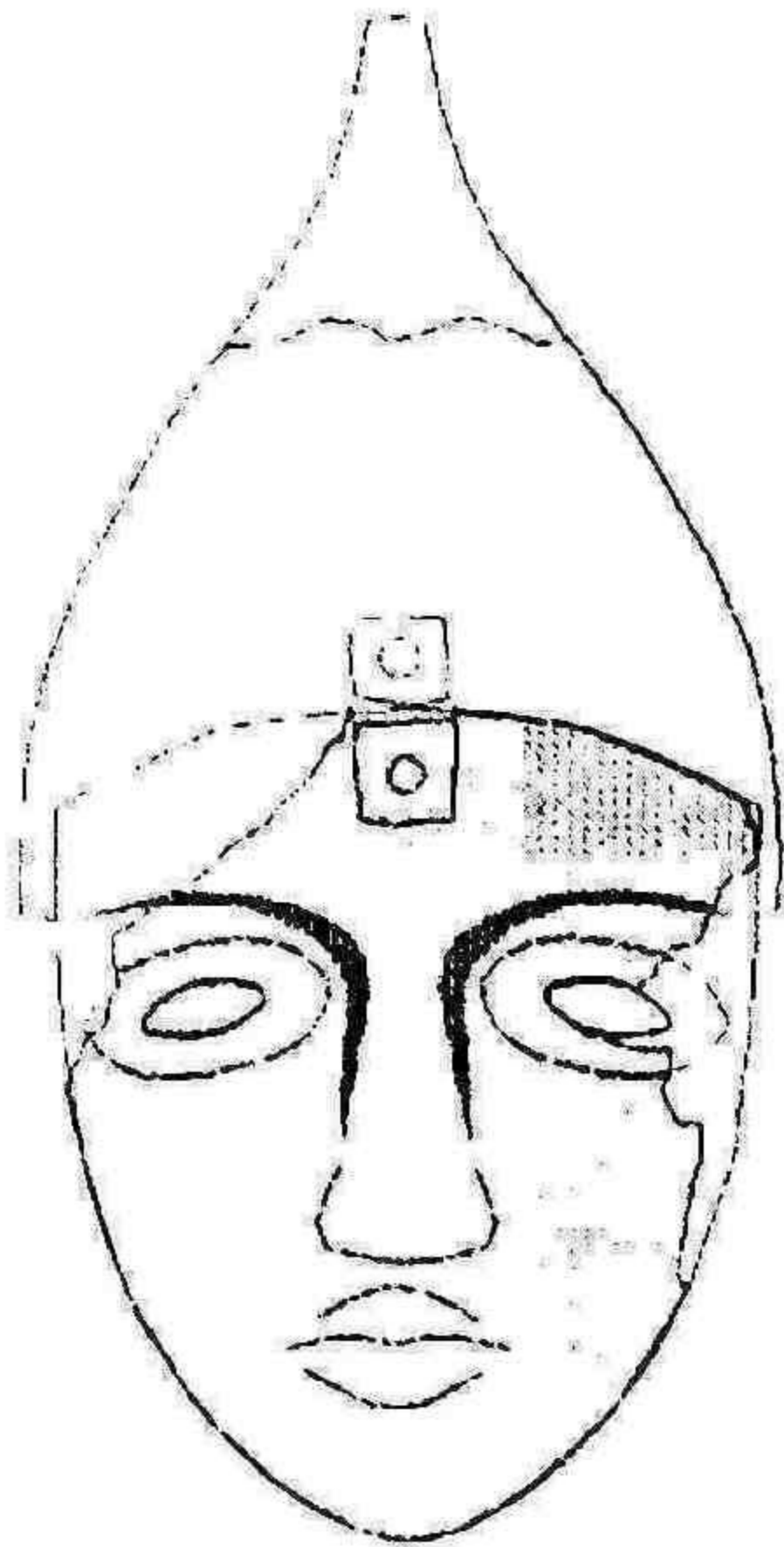

Рис. 2. Инвентарь погребения у с. Куйбышево. Маска, шлем
(по материалам Кравченко Э.Е.)

Основываясь на вышеперечисленных утверждениях, можно предположить, что южнорусские шлемы типа IIБ, по своим характеристикам вполне могли применяться как единое, цельное изделие с древнерусскими боевыми антропоморфными масками-забралами из Серенска и с. Городища, что подтверждает куйбышевская находка (рис.3).

а)

б)

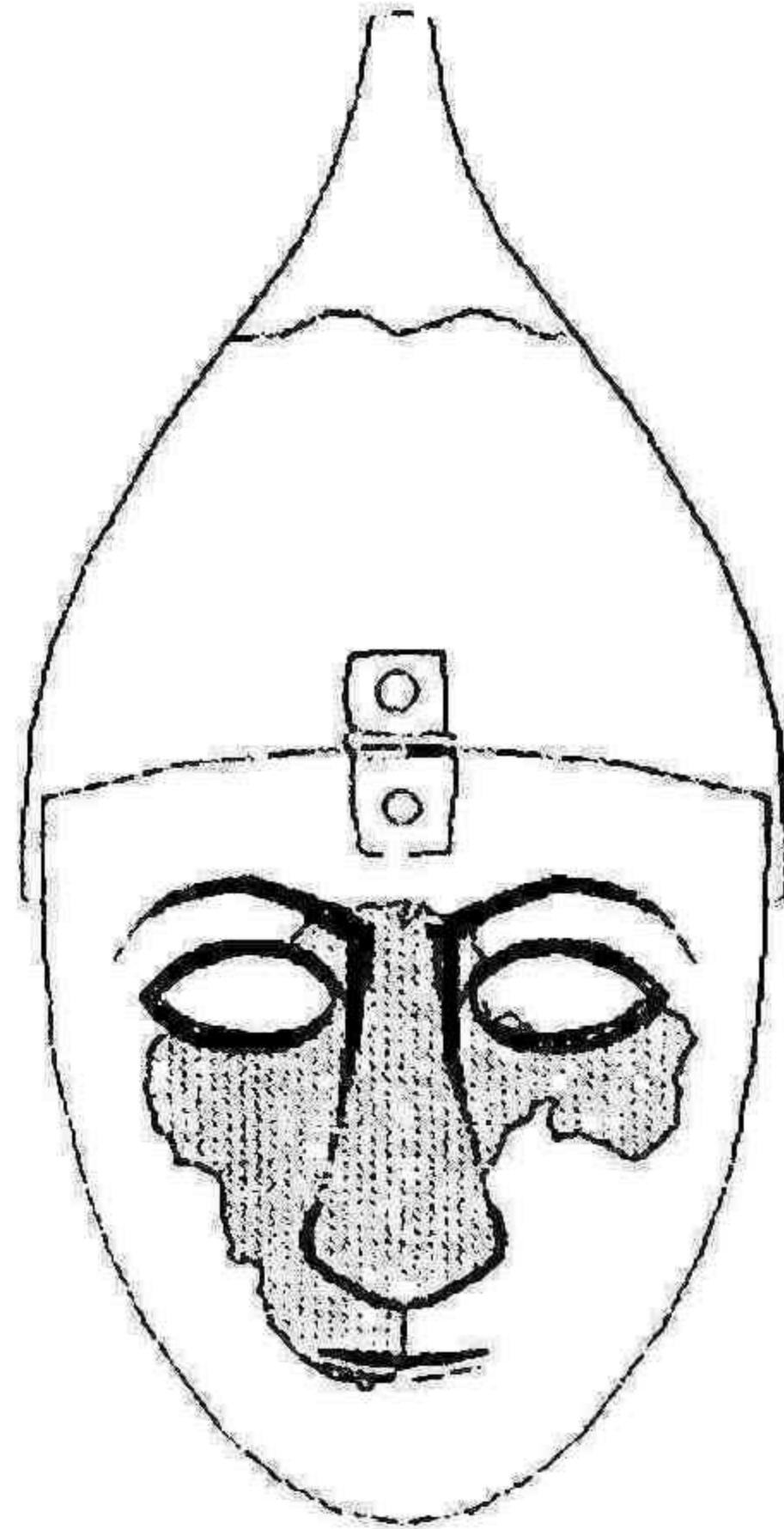

Рис.3. Фрагменты и графическая реконструкция масок-забрал из Серенска а) и с. Городища б) с боевыми наголовьями типа IIБ (реконструкция И. Белоусовой)